

И. А. Митрофанова, А. А. Рямонен, Лю Цзыюань*

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. БУНИНА И В РУССКОЙ ПРОЗЕ О ДЕРЕВНЕ 1960–1980-Х ГГ.**

В статье на материале творчества Ивана Бунина и так называемых писателей-деревенщиков 1960–1980-х гг. рассматриваются духовно-нравственные связи, существовавшие между этими писателями, между интенциями, проступающими в их текстах. В ходе работы показано, что, подобно тому как Иван Бунин, вынужденно оказавшийся в эмиграции, вдалеке от родины, страдал, томился, эксплицировал в своем творчестве мотивы прощания, памяти, любви к былому прошлому, так и писатели-деревенщики, казалось бы, оставаясь в пределах своей родной страны, тем не менее демонстрировали обострение в их творчестве тех же мотивов — мотивов прощания с родной деревенской общиной, с уходящей в прошлое русской деревней, мотивы памяти о прошедшем и уходящем. Таким образом, объективная эмиграция одного условно нашла продолжение во внутренней субъективной эмиграции других. Исторически разные эпохи, как показано в работе, актуализировали родственные мотивы, пронизанные глубокой любовью к Отечеству, опорой на ее прошлое и духовной веры в ее возрождение.

Ключевые слова: Иван Бунин, деревенская проза, мотивы прощания, ностальгии, памяти, внешняя и внутренняя эмиграция.

---

* Митрофанова Ирина Анатольевна — канд. филол. наук, доцент, a_blum@mail.ru, Санкт-Петербургский государственный университет.

Mitrofanova Irina Anatolyevna — Candidate of Philology, Associate Professor, a_blum@mail.ru, St. Petersburg State University.

Рямонен Анна Андреевна — Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, исполнитель проекта; a_a_ryamonen@mail.ru.

Ryamonen Anna Andreevna — F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, project executor; a_a_ryamonen@mail.ru.

Лю Цзыюань — канд. филол. наук, профессор, kaiji1985@163.com, Университет Цзямусы (КНР).

Liu Ziyuan — Candidate of Philology, Professor, kaiji1985@163.com, Jiamusi University (China).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

I. A. Mitrofanova, A. A. Ryamonen, Liu Ziyuan
CHRISTIAN MOTIFS IN THE WORKS OF I. BUNIN
AND IN RUSSIAN PROSE ABOUT THE VILLAGE OF THE 1960s-1980s

Based on the work of Ivan Bunin and the so-called village writers of the 1960s and 1980s, the article examines the spiritual and moral ties that existed between these writers, between the intentions that appear in their texts. In the course of the work, it is shown that, just as Ivan Bunin, who was forced to emigrate, far from his homeland, suffered, languished, and explicated in his work the motives of farewell, memory, and love for the past, so village writers, seemingly remaining within their native country, nevertheless they demonstrated the aggravation of the same motives in their work — the motives of saying goodbye to their native village community, to the Russian village going back in time, the motives of memory of the past and the outgoing. Thus, the objective emigration of one conditionally found continuation in the internal subjective emigration of others. Historically, different epochs, as shown in the work, actualized kindred motives imbued with deep love for the Fatherland, reliance on its past and spiritual faith in its revival.

Keywords: Ivan Bunin, village prose, motives of farewell, nostalgia, memory, external and internal emigration.

Начиная разговор о связи творчества Ивана Бунина с произведениями русских писателей деревенской темы, так называемыми писателями-деревенщиками 1960–1980-х гг., необходимо сразу сказать, что, несмотря на внешнюю (историческую) разность эпох и, как следствие, разность мировоззрения этих писателей, у них есть одна общая и доминантная тема — тема любви к родине, к России. Как бы ни были далеки друг от друга современные писатели-народники, как правило, люди крестьянского происхождения, и элитарный писатель-аристократ дворянин Бунин, им всем была близка Родина, Россия, Отечество. И именно эта тема ярче всего воплощается в их творчестве, усиливаемая в произведениях Бунина вынужденной эмиграцией, отрывом от родной почвы, у писателей-деревенщиков 1960-х — обостренная цивилизационными проблемами существования советского государства, оторванностью современного человека от земли, всесторонним наступлением на природу научно-технического прогресса, в целом — теснения деревни городом. Напряжение психологической тоски ощутимы в одинаковой степени.

Совершенно очевидно, что даже при самом поверхностном взгляде на творчество Бунина и произведения писателей-деревенщиков видна природная составляющая их текстов — всеобщая обращенность художников разных эпох к образам родной природы, к живописным русским пейзажам, к психологизации картин родных просторов. Достаточно вспомнить «Темные аллеи» И. Бунина или «Царь-рыбу» В. Астафьева, как отчетливо и явно обнаруживаются общие для писателей тенденции лиризации повествования, ритмизации речи, поэтической наполненности слова. Следует ли подобную близость считать традицией — это вопрос научной содержательности, но важно, что оба они поэтизируют русскую природу, наделяя ее психологизмом и глубоким символизмом. Как в названии цикла Бунина «Темные аллеи» слышатся аллюзийные звуки русской поэзии XIX в., отголоски поэзии Ф. Тютчева, А. Фета, Н. Огарева (см. об этом: [1]), так и в «Последнем поклоне» Астафьева нельзя не почувствовать ноты поэзии А. Пушкина, М. Лермонтова, лирической прозы А. Тургенева и поэтических картин Л. Толстого [см. об этом: 17].

Между тем, как известно, национальную общность любого народа создает не только происхождение, не только единая территория, не только язык и речь, на которых говорит народ, но и вера, тот духовно-религиозный ориентир, который положен в фундамент народно-национального единства. Для русского (шире — российского) народа очевидно, что таким понятием, таковым каноном веры стало многовековое православие, христианское крещение Руси [5; 13; 19].

Что касается Ивана Бунина, то в отношении него постановка такого вопроса не вызывает отторжения: Бунин был православным писателем, глубоко верящим и верующим [12; 15; 18]. Как ни парадоксально, но то же самое можно сказать и о писателях-деревенщиках 1960–80-х. Несмотря на то что писатели-деревенщики творили в советские годы, в тот период, когда церковь была отделена от государства, тем не менее в произведениях Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Белова, Василия Шукшина и читатели-реципиенты, и критики-исследователи не могут не заметить глубинную и важную составляющую — обращенность героев деревенской прозы к духовным началам, отчасти растворенным в природе (остатки язычества — например, «Прощание с Матерой» Распутина), но одновременно и контурированно оформленным в приверженности к православной вере, к тем идеалам, которые поддерживают этих персонажей в самые трудные минуты. Неслучайно работающий, умный, сильный герой рассказа Шукшина «Крепкий мужик» назван так не только в прямой апелляции к значению слова, но со скрытым негативным оттенком авторской аксиологии — проявления отношения к человеку (герою), покусившемуся на старинный православный храм, который он собирается пустить на кирпичи для коровника, для совхозного скотного двора. Советские писатели, в отличие от Бунина, не имевшие права (свободы) открытого обращения к церковно-религиозной символической, к православно-христианским мотивам, тем не менее подтекстово, в «растворенном» виде выводили библейские мотивы и образы на передний план произведения, заставляя советского читателя-атеиста вернуться к своим корням, к своим духовным православным истокам и источникам.

Понятно, что для русского человека, писателя, литературного героя таковым истоком духовного знания была и остается Библия, священная книга, несшая в себе слово Божье. Именно поэтому оторванный от родины писатель Бунин нередко в своих художественных и публицистических произведениях обращался к библейскому тексту, тем самым устанавливая незримую связь с отечеством, с покинутой родиной, с православным людом, оставшимся далеко за пределами европейских границ. Примером тотального использования Буниным библейского текста в художественном произведении в последние годы его жизни и творчества можно назвать небольшой рассказ-миниатюру «Мистраль».

Как известно, наряду с циклом рассказов о любви «Темные аллеи», представляющим собой цельное тематическое и стилевое единство, в 1930–1940-е гг., будучи в эмиграции, находясь в Европе, где уже зрели силы военного противостояния, Бунин писал небольшие рассказы, захватывающие иную проблемно-тематическую сферу, примыкавшую к «энциклопедии о любви», к рассказам любовной тематики, но при этом не вошедшие в цикл. В собрании

сочинений Бунина эти рассказы, как правило, выделяются в самостоятельный раздел, среди них и миниатюра «Мистраль».

Как правило, невключение в цикл-книгу большинства бунинских внециклических рассказов не требует особой мотивации, так как они либо написаны не о любви и никак не касаются любовной тематики, либо не могут претендовать даже на косвенную связь с основной доминантной проблематикой цикла «Темные аллеи». Так, «История с чемоданом» — рассказ о покупке героем роскошного дорого презентабельного чемодана для дальнего путешествия и история «сражения» с чемоданом во время морской качки в каюте лайнера. «Остров сирен» — почти этнографический абрис истории огромного Неаполитанского залива, прикаприйского побережья и воспоминаний о великом и грозном Тиверии. «Жилет пана Михольского» — ироническая сценка, связанная с двумя жилетками цвета «шкурки лягушки» и еще более редкого цвета — «шкурки хамелеона», и комичная ситуация появления известного «столчного гостя» в светской гостиной. «Ловчий» — о псовой охоте, о мастерстве ловчего, об обилии мастей гончих собак, с думами героя о прежних временах, «о временах бабушки». Можно перечислять и другие внециклические рассказы вплоть до «Бернара» — все они о «незначительных» событиях и историях, поведенных нарратором-повествователем или нарратором-рассказчиком, и все они суть истории, не связанные с темой и мотивами любви.

Между тем рассказ «Мистраль», написанный в 1944 г. и впервые опубликованный в парижском журнале «Встреча» в 1945 г., не стоит в этом ряду. Уже современники Бунина воспринимали рассказ «Мистраль» как «стихотворение в прозе», отмечали в нем мощное лирическое начало, которое проявлялось в прозе Бунина «гораздо сильнее, чем в стихах» [3, с. 394].

Действительно, сюжетная канва рассказа Бунина растушевана, лишена конкретики фабульных эпизодов и опирается исключительно на смутные ночные размышления лирического героя о краткости жизни и мгновенности каждого нового дня, дарованного человеку. Таким образом напрямую рассказ «Мистраль» не связан с циклом «Темные аллеи». Однако само настроение лирического героя, его философские раздумья над кратковременностью течения человеческой жизни роднят рассказ с серией любовных рассказов, ибо эксплицируют близость авторской позиции «Мистраля» «сквозному» нарратору-повествователю «Темных аллей».

Внимание героев как «Темных аллей», так и «Мистраля» неизменно опирается на философские наблюдения над законами жизненного бытия, причем ретроспективная установка и ностальгический пафос со всей очевидностью опосредуют как точку зрения автора (и героя), так и нарративную дирекцию всего текста. Подобно тому, как это наблюдается в текстах цикла «Темные аллеи», герой рассказа «Мистраль» поверяет собственное знание жизни суждениями выдающихся — хрестоматийных или сакральных — текстов русской и мировой литературы. Как в рассказах о любви Бунин опирался на поэтические строки Н. П. Огарева («Темные аллеи») или А. А. Фета («Холодная осень»), так и теперь он прибегает к авторитетному тексту Псалтыри, чтобы универсализировать собственные наблюдения, подкрепить личностные субъективные суждения объективностью библейских Псалмов. Ранее уже было отмечено,

именно священные тесты связывали Бунина-эмигранта с покинутой родиной, оживляли воспоминания о родных краях.

Как и в ряде рассказов цикла «Темные аллеи», в «Мистрале» недостаток живых реальных впечатлений (NB: время написания цикла и рассказа «Мистраль» — годы Второй Мировой войны) компенсируется обращенностью нарратора к литературным претекстам, к интертекстуальным аллюзиям и реминисценциям, к истокам *от*литературным (почти «вторичным»). Однако для Бунина именно литературная (художественно-поэтическая) реальность становится исходным — и «первичным» — условием и основанием для пробуждения ностальгических воспоминаний и подведения итогов собственной жизни (в том числе жизни лирического героя). Трагическая составляющая жизни Бунина находит отражение в драматизме судьбы одинокого лирического героя, оторванного от родины, от близких людей, от живых впечатлений реальной жизни. Единственный удел героя — память.

Самые первые строки «Мистраля» — «Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» — представляют собой цитату из Псалма 41 (Пс. 41: 8). В текст Бунина входит традиционный, устойчивый, мировой символ-мотив *воды* как воплощения текучести и длительности человеческой жизни — «воды и волны» [2, с. 310]. Затекстовые образы «река жизни», «море жизненных перипетий», «океан жизненных страстей» незримо (в аллюзийных проекциях) открывают бунинское повествования, актуализируя представление о прожитой жизни (лирического героя) и ее полноте. Предикат прошедшего времени «прошли» указывает на «прошедшесть», «прошлость» жизненных лет героя, на «использованность» ресурсов человеческих лет, отмеренных Богом. Апелляция к священному тексту усиливает трагическую составляющую осмысления героем былого, отсылает к обширному полю библейско-философского контекста, ориентированного не на личность, но на человечество.

Вторая строка — «Вот Ты дал мне дни как пяди, и век мой как ничто пред Тобою» — цитата из Псалма 38 (Пс. 38: 6), которая актуализирует смежный смысл — о краткости человеческой жизни, о ее *ничто*-жности («Всюду пред-рассветное ничто» [2, с. 311]) в сравнении с бытийственным хронотопом. *Пядь* дней людской жизни противопоставлена бесконечности и безбрежности *вечного* бытия Бога.

Лирический герой Бунина констатирует: «Ведь кратки дни мои, как пяди, / И как ничто — мой век земной...» [2, с. 310]. Однако в христианскую мотивику вплетается сугубо личностное — почти атеистическое — утверждение: «Век мой, Господи, ничто не только пред Тобою, но и *предо мною самим...*» [2, с. 310]. Герой Бунина признает всеобщую краткость жизни, ее мгновенность, наикратчайшую даже в пределах жизни лирического героя, неосторожно «богохульно» сопоставленного с Ним.

Размышления героя о жизни напрямую соотносятся с состоянием природы — прием природно-психологического параллелизма организует хронотоп рассказа, смыкая образ ночи и образ никчемной («ничто») жизни. Образ-мотив «мертвого часа» [2, с. 310] становится спайкой между «мертвым сном», приближающим героя к загробной вечности, и состоянием молчаливой («мертвой») темной («тьма») полуночной природы. Отталкиваясь от христианизированных

стихотворения Псалтыри, герой Бунина дихотомично соглашается на «иную» жизнь (готов к ней) и одновременно не хочет расставаться с жизнью здешней, настоящей.

Образ зеркала [2, с. 310] удваивает пространство жизни реальной — и мнимой, жизни подлинной — и отраженной («В зеркало углубленно уходит вторая спальня, что во всем подобна первой, будучи только ниже и меньше ее...» [2, с. 310]). Образ зеркального отражения словно помещает лирического героя на границу двух миров, двух пространств и двух временных периодов, обнаруживает пограничность (межграничность) положения персонажа — стареющего героя с «худым лицом <...> темными впадинами глаз <...> белеющим лбом <...> косым рядом в серебристых волосах» [2, с. 310]. Положение героя «в кровати» в еще большей мере усиливает коннотации близкого перехода, преодоления персонажем границ видимого и невидимого пространств.

Далее следующие строки из Марка Аврелия — «“Ты взойди на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора сходить”» [2, с. 311] — со всей определенностью подводят итог жизни героя, указывая на «последнюю пристань» житейского корабля. Неслучайны раздумья-воспоминания героя: «...было будто бы время, когда я “всходил на корабль”, юный, беспечный, ни о какой гавани не думающий... Где же оно, это время? Вот только *моя мысль о нем!*» [2, с. 311]. Предметность и сущностность былых событий и эпизодов утрачивает субстанциальность, реальность трансформируется в бесплотную мысль, ускользающие воспоминания.

В тексте возникает антиномия: время прошлое и настоящее, герой «юный, беспечный» и герой стареющий, прощающийся с жизнью. По сути оппозиция «тогда» и «теперь» узаконивает связь рассказа «Мистраль» с рассказами цикла «Темные аллеи» — благодаря ей продуцируется возможность для рассказа «Мистраль» быть помещенным (например) в заключительной части книги-цикла, чтобы гипотетически завершить путь становления юного беззаботного героя, который как нарратор-рассказчик (герой — участник событий) пронизывал все тексты рассказов о любви в поисках смысла бытия и которому сопутствовал образ героя-дублера, повзрослевшего нарратора-повествователя, вспоминающего события былого, воскрешающего в памяти события прежней жизни.

Последующая цитация из Марка Аврелия — «“Ничтожна жизнь каждого. Ничтожен каждый край земли... Немного уже осталось тебе. Живи как на горе. Как с горы обозревай земное: сборища, походы, битвы, полевые работы, браки, рождения, смерти...”» [2, с. 311] — уводит героя на незримую «гору», с которой он «мысленно ви<дит> Прованс, по которому мчится мистраль с дикой жадой сокрушения всего человеческого, временного, ви<дит> весь этот древний край, сейчас спящий, пустой, со всеми его горами и долинами, с бледнеющими в лихорадочном блеске звезд дорогами» [2, с. 311]. Герой словно действительно восходит — возвышается — до «горней» жизни, до горних высот, теперь может обозреть все земное с вышины, разглядеть далекое прошлое в деталях.

Однако следующий пассаж автора (и героя) смыкает и уравнивает высокое и низкое, горнее и земное, человеческое и животное. В сознании лиризованного нарратора всплывает легенда-предание, хранимая в народе.

«В глухих провансальских селениях <...> народ говорит, что мул есть создание вещее, редкое по сокровенности чувств и помыслов, по уму и чуткости ко всему тайному и дивному, чем полон мир, и что до рассвета стоит он в такие ночи в своем темном, холодном, насквозь продуваемом стойле с открытыми глазами, ни на миг не ослабляя слуха и внимания к “работе” мистрала: он, верно, тоже видит, чувствует этот пустой, бесконечный пролет в пространстве тех римских времен, кажущихся мне и моими собственными...» [2, с. 311].

С космической неожиданностью образ героя-повествователя, размышляющего о краткости бытия, парадоксально уподобляется образу мула, трудолюбивого вьючного животного, умного и чуткого, умеющего понять «сокровенность чувств» и глубину помыслов не только человека, но мистрала, природы, Вселенной, Бога.

На этом этапе божественное и человеческое, интеллектуальное и чувственное, природное и цивилизационное, большое и малое, емкое и крошечное сопрягаются у Бунина, порождая представление о всеобщности мировых вселенских законов, которым подчиняются всё и вся — люди и животные, сознание и ветер, былое и настоящее, реальное и иррациональное. В тексте рассказа Бунина происходит философическое переплетение концептов «все» и «ничто», «жизнь» и «смерть», «вечность» и «миг», внетекстово эксплицируя строки книги Екклесиаста, проецируя образ всеобщего упорядоченного хаоса и констатируя «точечность» места человека в бескрайнем вселенском пространстве-времени.

В «Мистрале» бунинская лиризованная проза, почти «белый стих», верлибр (*фр. vers libre*) формирует философский *метатекст*, который пронизан размышлениями писателя (и лирического героя) о суетности и непознании смысла пребывания человека на земле, о внепредельности положения человека в мире. Однако «сюжетное» приближение утра в рассказе-миниатюре возвращает героя к реальности, уводит его от философских абстракций и позволяет оптимистично вздохнуть: «Еще одно мое утро на земле» [2, с. 312]. Композиционно рассказ словно замыкает кольцевое обрамление, вновь возвращая лирического героя к (еще не исчерпанному до конца) настоящему — новому дню на земле.

Таким образом рассказ «Мистраль» всем настроением и настроем наррации мог бы оказаться близок рассказам, замыкающим цикл «Темные аллеи». Авторская позиция, нарративные стратегии, использованные в тексте, свидетельствуют о том, что «Мистраль» был родствен циклическим рассказам и мог быть эксплуатируем как финальный аккорд среди рассказов о любви. Однако Бунин оставил его за пределами цикла, может быть, тем самым утверждая мысль о бесконечности и вечной молодости любви, неустанной живости чувств и эмоций влюбленного человека-героя. Философичность стареющего героя-нарратора не могла помешать единству цикла «Темные аллеи», но привнесла бы в них нотки грусти и обреченности (в целом свойственные рассказам заключительной III части книги «Темные аллеи»). Вероятно, не желая «ставить точку» в рассказовом цикле посредством мыслей достигшего мудрости стареющего героя (мыслей о ничтожности и мгновенности жизни), сохраняя «открытость» цикла (неоднократно отмечаемую исследователями), Бунин оставил «Мистраль»

за рамками *любовно* организованного циклического единства, сохраняя его тематическую и «математическую» (числовую) цельность.

Время написания «Мистраля» и возраст писателя позволяли Бунину во-брать рассказ в единый цикл рассказов о любви. Однако грустно-трагические размышления о неизбежности человеческой смерти-уходе могли приглушить романтико-мелодраматическую тональность книги, в финале цикла сместить философский акцент с размышлений о любви в сторону раздумий о бренности и краткости людской жизни. Мотив одиночества, пронизывающий текст «Мистраля», мог «поколебать» действенность любовной мощи и силы, пошатнуть модель восприятия. Вероятно, поэтому рассказ «Мистраль», близкий и понятный многим эмигрантам-современникам Бунина, предававшимся тем же раздумьям о приближающемся земном «освобождении», остался за рамками основного корпуса рассказов «Темные аллеи», но не дисгармонировал с ними, а скорее наоборот — поддерживал их, создавая внециклический контекст «малых» жанровых — рассказовых — форм.

Даже беглое обращение к тексту Бунина, насквозь пронизанному библейскими мотивами, позволяет вновь вернуться к мысли о близости творчества писателя-эмигранта к произведениям деревенской темы 1960–1980-х гг. Мотивы прощания, расставания, мотивы памяти и печали, мотивы сна и одиночества, объективно понятные в тексте рассказа Бунина, творившего в эмиграции, оказываются видимо родственными писателям-деревенщикам [см. об этом: 6; 9; 11; 14–17]. И среди них — особенно Виктору Астафьеву и Валентину Распутину. Если такие писатели, как Ф. Абрамов, В. Белов, отчасти В. Шукшин, демонстрировали не в последнюю очередь социальную направленность своей прозы, то Астафьев и Распутин, в приближении к Бунину, эксплицировали мотивы далеко не внешние, социологические или политические, но мотивы внутренние, духовные, морально-этические. Не будучи реально оторванными от родной земли, подобно Бунину, субъективно писатели-деревенщики явно ощущали эту «внутреннюю эмиграцию», отторгнутость их от их же прошлого, от родной русской деревни, от поэзии и теплоты прошлой, утраченной деревенской жизни. Подобно тому, как Бунин тосковал по родине-России далеко во Франции, писатели-деревенщики тосковали о прошлом здесь, в России, в советской стране [4; 11]. Не выступая, подобно писателям андеграунда, будущим писателям-диссидентам, против государственной системы, писатели деревенской темы, как и целый ряд писателей в начале XX в. (в период «первой волны» русской эмиграции), оказались во внутренней эмиграции у себя же дома. Оттого ностальгические мотивы, мотивы памяти, мотивы прощания, мотивы тоски по ушедшему так сильно проступают в их художественных текстах, оказываясь — вопреки целому ряду соображений *объективного* плана — весьма близкими духу, эмоциям, психологической насыщенности прозы (и поэзии) Ивана Бунина, писателя-эмигранта [7; 8; 10]. Бунинская стилистика прощания с родиной — Русью — оказывалась близкой и писателям-деревенщикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы И. А. Бунина. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 300 с.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1966–1967. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931–1952 гг. 425 с.
3. Гречанинова В. Комментарии // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1966–1967. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931–1952 гг. С. 392–399.
4. Желтова Н. Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект) // Вестник ТГГУ. 2004. Т. 10. № 3. С. 875–883.
5. Закуренко А. Ю. Христианские инварианты в структурной форме русской литературы конца XIX — конца XX века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 198 с.
6. И. А. Бунин: pro et contra: Антология / сост. Б. В. Аверина, Д. Риникера, К. В. Степанова, коммент. Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т. М. Двинятиной, А. Я. Лапидус. СПб.: РХГИ, 2001. 1016 с.
7. Капчинский О. И. «Окаянные дни» Ивана Бунина. М.: Вече, 2014. 381 с.
8. Карпов И. П. Авторология русской литературы (И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов). 2-е изд. М.: Флинта, 2011. 464 с.
9. Ковтун Н. В. Житийные мотивы в повести В. Распутина «Живи и помни» // Кирилло-Мефодьевские чтения: материалы II–III Международных научных конференций / отв. ред. и сост. А. Г. Лысов. Даугавпилс, 2008. С. 243–269.
10. Крюкова Н. Г. Дневники И. А. Бунина в контексте жизни и творчества писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2000. 16 с.
11. Митрофанова И. А. Статьи по поэтике современной русской прозы. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2010. 162 с.
12. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
13. Ничипоров И. Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности. М.: МАКС Пресс, 2022. 232 с.
14. Плеханова И. И. Художественное воображение Валентина Распутина // Творческая личность Валентина Распутина: живопись — чувство — мысль — воображение — откровение: сб. / под ред. И. И. Плехановой. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 447–474.
15. Сигов В. К. Земля, дом, мир, дух в творчестве В. Г. Распутина // Литература в школе. 2022. № 2. С. 30–43.
16. Цветова Н. С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века. СПб, факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 168 с.
17. Цветова Н. С., Богданова О. В. «Эпох скрещенье...» Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб.: Алетейя, 2023. 374 с.
18. Черников А. П. Духовно-нравственные искания в автобиографической прозе русского зарубежья (Бунин — Шмелёв — Зайцев) // Литература в школе. 2008. № 6. С. 3–6.
19. Юрьева О. Ю. В. Г. Распутин о христианской основе русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 344–356.

REFERENCES

1. Bogdanova O. V. *“Tyomnye allei” i drugie rasskazy I. A. Bunina* [“Dark alleys” and other stories by I. A. Bunin]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 300 p. (In Russian).
2. Bunin I. A. *Sobr. soch.: in 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Moscow: Fiction, 1966–1967. Vol. 7. Dark alleys. Short stories 1931–1952. 425 p. (In Russian).
3. Grechaninova V. *Kommentarii* [Comments] // Bunin I. A. Collected works: in 9 vols. Moscow: Fiction, 1966–1967. Vol. 7. Dark alleys. Short stories 1931–1952. P. 392–399. (In Russian).
4. Zheltova N. Yu. *Poetika russkogo nacionalnogo charaktera* [Poetics of the Russian national character (theoretical aspect)] // Bulletin of TSTU. 2004. Vol. 10. No. 3. P. 875–883. (In Russian).
5. Zakurenko A. Y. *Christianskie invarianty v strukturnoi forme russkoj literatury konca XIX — ronza XX veka* [Christian invariants in the structural form of Russian literature of the late nineteenth and late twentieth centuries]. ... Candidate of Philology. M., 2017. 198 p. (In Russian).
6. I. A. Bunin: pro et contra: Antology / comp. B. V. Averina, D. Rinikera, K. V. Stepanova, comment. B. V. Averina, M. N. Virolainen, D. Rinikera, bibliogr. T. M. Dvinyatina, A. Ya. Lapidus. St. Petersburg: RHGI, 2001. 1016 p. (In Russian).
7. Kapchinsky O. I. *“Okajannyje dni” Ivana Bunina* [“Cursed days” by Ivan Bunin]. Moscow: Veche, 2014. 381 p. (In Russian).
8. Karpov I. P. *Avtirilogija russkoj literatury* [Autology of Russian literature (I. A. Bunin, L. N. Andreev, A. M. Remizov)]. 2nd ed. Moscow: Flint, 2011. 464 p. (In Russian).
9. Kovtun N. V. *Zhitijnyje motivy v povesti V. Rasputina “Zhivi i pomni”* [Hagiographic motifs in the story of V. Rasputin “Live and remember”] // Cyril and Methodius readings: materials of II–III International scientific conferences / ed. and comp. A. G. Lysov. Daugavpils, 2008. P. 243–269. (In Russian).
10. Kryukova N. G. *Dnevniki I. A. Bunina v kontekste zhisni i tvorcestva pisatela* [I. A. Bunin’s diaries in the context of the writer’s life and work: abstract]. ... candidate of Philological Sciences. Yelets, 2000. 16 p. (In Russian).
11. Mitrofanova I. A. *Statji po poetike sovremnij russkoj prosy* [Articles on the poetics of modern Russian prose]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2010. 162 p. (In Russian).
12. Nikolina N. A. *Poetika russkoj avtobiograficheskoj prosy* [The poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow: Flint: Nauka, 2002. 424 p.
13. Nichiporov I. B. *Russkaja literatura i Pravoslavije: puti dialoga v istorii i sovremennosti* [Russian literature and Orthodoxy: ways of dialogue in history and modernity]. Moscow: MAKS Press, 2022. 232 p. (In Russian).
14. Plekhanova I. I. *Chudozhestvennoje voobrazhenije Valentina Rasputina* [The artistic imagination of Valentin Rasputin] // The creative personality of Valentin Rasputin: painting — feeling — thought — imagination — revelation: collection / edited by I. I. Plekhanova. Irkutsk: IGU, 2015. P. 447–474. (In Russian).
15. Sigov V. K. *Zhemlja, dom, mir, duch v tvorcestve V. G. Rasputina* [Land, home, world, spirit in the work of V. G. Rasputin] // Literature at school. 2022. No. 2. P. 30–43. (In Russian).
16. Tsvetova N. S. *Eschatologicheskaja topika russkoj tradicionnoj prosy vtoroj poloviny XX veka* [Eschatological topic of Russian traditional prose of the second half of the twentieth century]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, 2008. 168 p. (In Russian).

17. Tsvetova N. S., Bogdanova O. V. “*Epoch skrehsenje...*” *Russkaja prosa 1960–2020ch godov* [“Epochs of crossing...” Russian prose of the 1960s — 2020s]. St. Petersburg: Aleteya, 2023. 374 p. (In Russian).

18. Chernikov A. P. [Spiritual and moral searches in the autobiographical prose of the Russian diaspora (Bunin — Shmelev — Zaitsev)] // *Literature at school*. 2008. No. 6. P. 3–6. (In Russian).

19. Yurieva O. Yu. [V. G. Rasputin on the Christian basis of Russian literature] // *Problems of historical poetics*. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 344–356. (In Russian).